

ТРЕТИЙ СТАСИМ «АНТИГОНЫ» СОФОКЛА

Хоровая песня строфы третьего стасима трагедии Софокла «Антигона» прославляет Эроса. Ее можно принять за традиционный гимн в честь бога любви, дарами которого обделена Антигона. Действительно, она жалуется на несостоявшееся замужество, ее брачным ложем станет могила. Понимая это, Антигона продолжает упорствовать в выполнении своего долга быть верной закону, не писанному земными правителями, а санкционированному богами (v. 458–459). Свое предназначение Антигона видит не в ненависти, а в любви (v. 523). Но что знает о любви не изведавшая ее радостей девочка — дочь Эдипа? Как к Эроту относится Софокл — драматург, герой которого любить, казалось бы, не умеют? Ведь до Еврипида влюбленная женщина не появлялась на оркестре греческого театра. В реальной жизни вплоть до V в. до н. э. браков по взаимной склонности не принято было заключать, об этом договаривались отцы семейств. Поэтому и женщине в греческой трагедии не положено рассуждение на интимные темы семейной жизни.¹

Имя Гемона — жениха Антигоны, зритель впервые слышит от ее сестры Исмены: «Неужели ты убьешь невесту собственного сына?», — говорит она Креонту (v. 568). На это Креонт отвечает, что любая пашня пригодна для сева, т. е. в этой роли сгодится любая женщина. По этике того времени в ответе Креонта нет особого цинизма: не та, так другая станет продолжательницей их рода. И опять робкая Исмена, чей образ нужен для контраста с решительной Антигоной, говорит о полном взаимопонимании Гемона и его невесты: «Но ведь у него и у нее все слажено» (v. 570). Из текста неясно, имеет ли в виду эта «слаженность» (ἡρμοσμένα) душевную близость молодых или родительскую волю Креонта, семейную договоренность о будущем браке. Гемона мы не увидим влюбленным, тем более что он послушно признает приоритет отцовской власти и не хочет ссориться из-за невесты.

Гемон у Софокла молод, а у Гомера в боях за Фивы участвует уже его взрослый сын (II. IV, 394). В недошедшей киклической поэме «Эдиподия» Сфинкс убивает Гемона до начала этих событий. Интересно имя этого героя фиванского мифа. С одной стороны, оно географическое, т. е. автохтонное, так назывался ручей

или небольшая река в Беотии — Αἴμων, так же как имя Исмены от фиванской реки Исмен. С другой стороны возможна и «народная этимология»: Αἴμων — ‘кровавый’, связанный с αἷμα — ‘кровь’, что помимо «убийства» означает и «кровное» родство. Действительно, Эрот смешал дом Лабдакидов и Креонта не соединением в браке, а общей судьбой разрушения.² Афродита оказалась непобедимой в этой игре (ἄμαχος γὰρ ἐμπαίζει θεὸς Ἀφροδίτας — v. 800).³ Эрот, способствующий соединению и возрождению рода, становится разрушительной силой — символом краха и гибели. Рассмотрим хоровую песню стасима (v. 781–800):

О ты, Эрот, непобедимый в битве,
Пленяешь своих будущих рабов,
На нежных щечках девы ночь проводишь,
Над понтом бродишь, в хижинах глухих.
Бессмертным не дано тебя избегнуть
И с человеческим веком — никому.
Безумен тот всегда, кем ты владеешь.
И даже души очень справедливых
Ты на позор влечешь, как за грехи.
Так вот и эту брань людей родимых
В руках ты держишь, возбуждив вражду.
Но побеждает ясный блеск в глазах невесты,
Влекущей к счастью ложа своего.
Великих тех законов ты приспешник,
Необоримы шутки Афродиты.*

Слово ἐμπαίζει — ‘шутит’ или ‘играет’ (v. 800), в одной из рукописей (D) имеет чтение ἐμπαίει — ‘поражает’, ‘выбивает из ряда’. Ср. в «Электре» Софокла (v. 902): ἐμπαίει τί μοι ψυχῆ σύνηδες φάσμα — ‘какое-то знакомое виденье вдруг поражает душу у меня’. Так говорит Хрисофемида, заметив признаки прибытия Ореста. При чтении ἐμπαίει Афродита ведет себя неожиданно, она благословляет Эрота-разрушителя, а не традиционное первоначало соединения. Эпитет Афродиты «непобедимая» (ἄμαχος) применяет Софокл в трагедии «Филоклет» к стрелам (βέλη). Но для этого прилагательного есть еще значение ‘не побывавший в сражении’ (Хеп. Суг. VI, 4, 14). Также «непобедимым» назван Эрот в начале стасима (v. 881). Он сродни Аресу не на полях войны, а в душах людей. Поэтому во втором стихе этой строфы он, выигрывая битву, берет в плен, буквально «нападает» (πίπτει) на тех, кто станет рабами любви. Пролепти-

* Здесь и далее стихотворные переводы автора статьи.

чески они названы его «приобретением» (κτήματα). Афродита до боев не снизойдет, и так ей все подвластно. Сравним с началом гомеровского гимна к Афродите (v. 1–5), где говорится об умении богини подчинять «и богов, и людей земнородных, и всех птиц, и зверей». Начало и конец третьего стасима представляют сложный ряд кольцевой композиции. Хоровая песня начинается с Эрота «непобедимого в битвах» (ἀνίκατε μάχων — *vocat.*), а заканчивается таким же определением неразлучной с ним Афродиты. Ее характеристика сводится к одному слову ἄμαχος, где ἄ privativum делает ненужным ἀνίκατε, образованное по такому же морфологическому типу, отрицающее возможность победы над Эротом. Эти два эпитета заметны сразу, но более сложные ассоциации завуалированы. Характеристики Афродиты, известные нам из гомеровского гимна, Софокл приписывает Эроту, который проигрывает бой за соединение Антигоны и Гемона, несмотря на свою «непобедимость». Это стихи 785–790, где описываются все сферы пребывания Эрота: небо — обитель богов, земля, где живут люди, и море — понт. Эрот бывает и ἐν ἀγρονόμοις αὐλοῖς, здесь привычно видят место обитания зверей. Так в переводе С. Шервинского «логи зверей». По нашему мнению, это отдаленные хижины людей в глухих уголках, т. е. сословные различия Эроту не важны.⁴ Несмотря на гимн богу любви, в трагедии не идет речь о любви между мужчиной и женщиной. Отсюда поражение непобедимого Эрота. И дело не только в том, что заключение брака в реальной жизни — дело родителей. По справедливому замечанию В. Н. Ярхо, «Софоклу совершенно не важны ни внешнее правдоподобие действия в деталях, ни индивидуализация персонажей в современном смысле слова».⁵ Хотя намек на эту сторону любви явен из прославления Эрота: «Ты тот, кто ночует на нежных девичьих щеках» (v. 784). Любовь к женщине Гемон не считает для себя главным, а возможно и нужным. Вспомним его разговор с Креонтом при упоминании о будущей свадьбе (v. 637–638):

И никакой союз не будет стоить больше
твоих прекрасных указаний мне.

Μεῖζων σοῦ καλῶς ἡγουμένου в буквальном переводе — «лучше тебя прекрасно руководящего». Отец должен быть «гегемоном» всех помыслов своего сына. В начале сцены Гемон демонстрирует полное подчинение, поэтому Креонт начинает с нравоучения (v. 648 sq.):

Но никогда лишиться разума не вздумай,
Ты ради женщины по прихоти, сынок.

Буквально — «выбрось из головы» (τὰς φρένας ἐκβάλλης), «даже под влиянием удовольствия» (ὅφ' ἡδονῆς). И после эмоционального вступления Креонт аргументирует свое наставление, опираясь на знание, т. е. житейский опыт, свой — настоящий и будущий — сына, вводя это словами εἰδὼς ὅτι:

Узнав, что холодны всегда объятия,
Когда в дому хозяйствует дурная.
Худой предмет любви, — какая язва злее?
Ты, как врага, с презрением эту деву отринь.
Пусть в Аиде свадьбу справит с кем-нибудь другим.

Смысл его поучения: чем скорее от нее избавишься, тем лучше. Помимо μέθεσ (imperat. aoristi от μεθίημι) еще и πτύσας (от πτύω 'выказывать презрение') говорит о готовности Креонта избавиться от опасной родственницы. Примечательно, что хозяйка в доме, объект супружеской любви обозначена безликим словом παραχάλισμα 'предмет для объятий' (ἀγχαλίζομαι 'обнимать' от ἀγχαλίσ, ίδος 'локоть'). Не все ли равно, что (или кого) обнимать. Средний род подчеркивает местоимение τοῦτο. Уже здесь появляется мотив Аида, в его царстве будет брачный чертог Антигоны в отличие от девушки в стасиме, «на чьих щеках ночует Эрот».

Обратимся теперь к антистрофе. В ее первом стихе охумогоп души справедливых людей в качестве неправедных (δικαίων ἀδίκους φρένας) Эрот привлекает (букв. тащит) на позор (ἐπὶ λῶβῳ). Неуправляемость и стихийная сила Эрота передается глаголом παραστᾶς, приставка которого означает 'тянуть мимо цели, в сторону'. Это похоже на метафору скачущей лошади.⁶ Эрот в качестве неборимой и разрушительной силы участвует в хаосе социальных отношений и кровных уз, провоцируя борьбу между родственниками. Именно в этой борьбе он непобедим, здесь хор согласен с Креонтом, ведь желания Эрота — угроза гражданскому порядку. Закон и порядок во власти Эрота. Он назван их соучастником, буквально «сидящим возле» (πάρεδρος), а он их подрывает. Эрот — сила несущая одновременно и порядок, и беспорядок. Как часть космоса⁷ этот бог непредсказуем и конфликтен, отсюда охумогоп первой строфы. В пылу желания невозможно отделить правое от непра-

вого (δικαίων ἀδίκους). В трагедии «Трахинянки» Софокл говорит от лица Деяниры, что сопротивление Эроту — это безумие, поэтому она оправдывает предполагаемую измену Геракла (v. 441–442): «не здраво мыслит тот, кто восстает против Эрота». Многозначительность Эрота, двойственность его сущности указаны в строфе и антистрофе третьего стасима. С одной стороны, его желания очевидны, как «влечение глаз невесты» (v. 795: ἐναργῆς βλεφάρων ἱμερος νόμφας) с другой стороны, эта ясность (ἐναργῆς) приносит сумасшествие: тот, кто обретает ἱμερος, становится безумным (v. 790 ὁ ἔχων μέμνηεν). Отсюда и οὐ καλῶς φρονεῖ Деяниры (v. 441). Что делать слабому человеку, если Эрот всеислен! «Он и богами правит, как хочет, — говорит Деянира, — и мной как любой другой распоряжается» (v. 443–444). Деянира считает любовь болезнью, охватившей мужчину, надо быть безумной, чтобы осуждать его за это (χάρτα μάνομαι — v. 445–446). Эрот сводит с ума и другим образом. Хор критикует любовь Гемона, который вступает в конфликт с узми одновременно социальными и семейными. Он не подчиняется отцу и правителю. Но содержание стасима шире. Песню хора можно отнести также к Антигоне и Креонту. Антигона под властью Эрота, но не в сексуальном плане. Ее любовь всеобъемлющая. Это любовь к семье, древним устоям, справедливости, данной богами. Такая любовь всегда созидательная, но она становится разрушительной для нее самой. В этом также проявляется двойственность Эрота, который выступает взрывной силой изнутри. От него происходит борьба однородных людей (νεῖχος ἀνδρῶν ξύναμιον — v. 793), он сеет бурю, подрывая семейные узы (ταράξας). Поэтому Антигона отказывается от личной любви, семейного счастья, продолжения рода. Она не может жить как все, не исполнив долга другой, более высокой для нее любви. Антигона хочет невозможного и потому стремится к смерти. Об этом говорит ей Исмена (v. 90): εἰ καὶ δυνήσει γ' ἀλλ' ἀμηχάνων ἐρῶς — «если только сможешь, но ты желаешь, будучи не в силах». Слово ἐρῶς означает не только стремление, желание, но и любовь. Созидательная любовь Антигоны бессильна. Креонт одержим другим желанием. Его ἐρῶμεν идет от Эрота — разрушителя. V. 1336: ἀλλ' ὧ ἐρῶμεν ταῦτα συγκατηξάμην — «о том все наши общие молитвы, к чему стремимся мы, «мы» в его речи — pluralis maiestatis. В переводе С. Шервинского это «величие государя» опущено: «Я все желанья в этой слил мольбе».⁸ А желает Креонт смерти, потерпев поражение. Его Эрот-разрушитель оказался слабее бессильной любви Антигоны. Разговор с прорицателем Тиресием также пере-

кликается с третьим стасимом (v. 1074–1076). Λῶβα (v. 792) ‘обида, гибель’ имеет оттенок «зримого позора», «оскорбления на людях». Это слово родственно ἄτη ‘священному безумию’ и ἐρινύς, которое, до того как стать именем богини мести за нарушение священных обязанностей, означало проклятье, гибель, помрачение ума (φρενῶν ἐρινύς). В «Антигоне» Софокл слово λῶβητήρες («несущие посрамление, а затем уже гибель») делает эпитетом Эриний, где оба слова объединяются в одном контексте (v. 1074–1076). Креонту Тиресий грозит Эриниями за нечестие:

τούτων σε λῶβητήρες ὑστεροφθόροι
 λοχῶσιν Ἴαιδου καὶ θεῶν ἐρινύες,
 ἐν τοῖσιν αὐτοῖς τοῖσδε ληφθῆναι κακοῖς.

Эринии Аида и богов подстерегают гибельно в засаде.
 На срам тебя за это повлекут, затем убив.
 Ты тем же самым злом захвачен будешь.

Креонт был недосыгаем для любви и добра, стрел Эрота-созидателя. Тиресий называет свое пророчество τοξεύματα βέβαια ‘надежные стрелы’. Он говорит о том, что Креонта ждет печаль (λυτεῖς), поскольку Тиресий как лучник (ῥοτε τοξότης) выпустил эти стрелы (v. 1084–1086).

Таким образом, третий стасим «Антигоны» Софокла имеет двойной смысл. Помимо традиционного прославления бога любви, который, как кажется, должен управлять поступком Гемона, покончившего с собой на месте заточения Антигоны, хоровая песня стасима стягивает в один сюжетный узел все мотивы этой драмы: любовь и долг, стремление к власти и благочестие.

Примечания

- ¹ Ярхо В. Н. Семь дней в Афинском театре Диониса. М., 2004. С. 146–147.
- ² Oudemans Th. C. W., Lardinois P. M. H. Tragic Ambiguity: Anthropology, Philology and Sophocles' Antigone. Leiden; New-York; Köln, 1987. P. 144.
- ³ Греческий текст приводится по изданию: Sophocle. Les Trachiniennes. Antigone / Ed. by A. Dain, P. Mazon. Paris, 1994. T. 1.
- ⁴ Ср.: Oudemans Th. C. W., Lardinois P. M. H. Tragic Ambiguity... P. 140; Софокл. Трагедии / Пер. С. Шервинского. М., 1979. С. 170.
- ⁵ Ярхо В. Н. Семь дней в Афинском театре... С. 146.
- ⁶ Oudemans Th. C. W., Lardinois P. M. H. Tragic Ambiguity... P. 143.
- ⁷ Эрот наряду с Хаосом, Геей, Тартаром — космогоническое первоначало (Hes. Theog., 116–122). См. также орфический гимн к Эроту (LVIII).
- ⁸ Софокл. Трагедии. С. 191.